

Олег Зинченко

Энтропия в замкнутом пространстве

Книга чужих судеб,
прочитанная фланёром

Олег Владимирович Зинченко
Энтропия в замкнутом
пространстве. Книга чужих
судеб, прочитанная фланёром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22202917

ISBN 9785448354007

Аннотация

Если вы хотите знать, что чувствует человек, способный читать чужие судьбы, если вы не боитесь, что ночами вас будут мучить кошмары, не страшитесь, что мозг перестанет различать, где явь, а где вымысел, то эта книга для вас. Ну а так же для тех, кто готов признать, что жизнь – лучший выдумщик, и ещё раз в этом убедиться.

Содержание

Николай	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Энтропия в замкнутом пространстве Книга чужих судеб, прочитанная фланёром Олег Владимирович Зинченко

*Большинство словарей растолковывают
значение слова фланёр,
как определение про праздношатающегося
гуляку*

и искателя приключений.

*Меж тем Большой толковый социологический
словарь*

относит фланёра к поэзии Бодлера

*и трактует как странника, наблюдателя,
обозревателя*

*или даже странника-наблюдателя городских
форм...*

*Ну а энтропия даже физиками не до конца
объяснена.*

ISBN 978-5-4483-5400-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Открывающиеся двери электрички прошипели о прибытии на конечную станцию – областной центр на серой поверхности нечерноземья. Это был 1987 год, последний год ещё СССР. Правда, уже был изгнан из политбюро Борис Ельцин, а лишённый страны Иосиф Бродский получил Нобелевскую премию и это даже не особо замалчивали, да и вообще перестали глушить вражеские голоса, начались телемосты между США и СССР, из которых мы узнали, что секса у нас нет, немец Матиас Руст приземлился на своём самолёте на Красной площади, завершалась антиалкогольная кампания, которая ничего не принесла, кроме очередей, убытков казне и подорожания алкоголя... Это был последний год, когда всё ещё можно было остановить, но ещё не было тех, кто мог это сделать...

Осип, крепкий юноша двадцати трёх лет от роду, вышел на платформу и сразу же столкнулся с нереальным, в условиях борьбы с пьянством, объектом – пивным ларьком на фоне здания вокзала времён Николаевской железной дороги. Но пить пиво не стал, ему предстояла беседа с начальником «почтового ящика» – режимного предприятия, куда, собственно, Осип, уже считавшийся опытным специалистом, и приехал. Он, как и вся страна, вдруг решил поменять свою жизнь, и начал со смены работы. Но до собеседования времени было что блох на собачьем хвосте – навалом, поэтому

эту массу Осип решил размазать по пространству города, начав с пешей прогулки.

Привокзальная площадь ничем особо не удивила, а вот трамваи, снующие с двумя, а то и с тремя вагонами – радовали. Осип решил отнести это к плюсам города, а их вместе с пивом было уже два, и стоя на пересечение двух широких улиц, выбрал ту, что вела на север. Никаких ассоциаций, просто потому, что на север.

Как оказалось – не зря. Именно эта улица вела в центр города. А ещё через несколько кварталов Осип уткнулся в нестабильную толпу короткоюбочных, напряжённо и радостно чирикающих девушек. Прелестницы и не очень стояли у здания, из вывески на котором следовало, что это филфак местного университета. Осип так же отнёс это к плюсам. Итого, их стало три.

Осип, не спеша фланируя к ближайшему полюсу вдоль проспекта, уже дважды покупал мороженое, а в одной кафетерии при магазине, приложился к стаканчику молочного коктейля, убеждённый, что вкус еды тоже многое говорит о населённом пункте. Коктейль оказался недурён, что тоже можно было бы отнести к плюсам, но Осип не спешил. Ведь он узнал что это город ещё богат швеями и ткачихами, поэтому был в раздумьях, не отнести ли к плюсам женский вопрос, точнее, отсутствие здесь такового, или плюс поставленный у филфака уже достаточная оценка.

С этими мыслями Осип вышел к серому зданию в стиле

советского минимализма, с запутанной пропорцией стен. Ну вышел, и шут-то с ним, если бы не жара на улице и, как следствие, открытое окно на первом этаже. В него-то и заглянул Осип. А там, на столе лежал человек. Точнее, то, что от него осталось, так как это был человек разрезанный вдоль грудины до паха, с вывернутыми наружу внутренностями. Впрочем, может не всё было так драматично, а детали дорисовало вскипевшее воображение Осипа, но на минуту он застыл возле фонарного столба, не понимая, что делать. И лишь табличка на заборе вернула его в реальность – это был медицинский институт.

Матюгнув себя за вечное желание заглядывать в окна, Осип двинулся вперёд и как-то незаметно оказался у текущей в бетонном русле реки, берега которой связывали два моста. На одном из них отбивали только им ведомую шифровку трамвайчики, перекатываясь на своих квадратных, судя по стуку, колёсах, с одного берега на другой. К этому мосту и направился Осип. А вокруг гуляли девушки и мамы с маленькими детьми. И Осип уже стал забывать случайное видение трупа на анатомическом столе, тем более, что поднявшись на мост, ему открылся вид, который обязан бы был запечатлеть Клод Моне, ну или, в крайнем случае, Исаак Левитан – упирающаяся в горизонт река, монастырь, белые паруса и огромное голубое небо с крошками курчавеющих облачков.

И когда Осип собрался насладиться идиллией, на бал-

кон здания, что стояло близ основания моста, вышел мужчина с внешностью ну никак не ниже генерала, не смотря на майку-алкоголичку под цивильным пиджаком. Генерал достал сигарету и закурил. Это заставило Осипа последовать его примеру и выудить сигарету из пачки в заднем кармане джинсов. Когда оставалось лишь чиркнуть на зажигалке колёсиком, Осип обнаружил мужчину уже лежащим на тротуаре. Его голова лопнула сродни спелому арбузу. Буро-серая масса выплеснулась из головы на проезжую часть, забрызгав пробегающую мимо собачонку, отчего ты взвизгнула и скрылась где-то на набережной. Один глаз у предполагаемого генерала выскочил из глазницы и с удивлением застыл на затылке, чем самоубийца стал напоминать камбалу.

Оглушённый увиденным Осип стоял как монумент, без единого движения, без эмоций и, возможно, даже без дыхания, пока за его спиной не раздался женский визг, сродни скрипу металла о стекло. Женщина, держа в руках авоську с тремя бутылками кефира, орала так, словно это она спрыгнула с балкона, а не этот несчастный. Вопль кефироносицы подействовал на Осипа подобно нашатырю на боксёра, ему захотелось срочно действовать. Видно этим же позывом был влеком пробегающий мимо мужчина, непрерывно повторяющий, что ему срочно надо найти телефон-автомат. Хотя, к чему здесь срочность, человек-то уже явно мёртв и даже время похорон никак не зависит от скорости звонка в милицию. С этой мыслью Осип, решив никуда более не спешить,

крутанул колёсико на зажигалке и, пытающимся погаснуть на ветру огоньком, прикурил сигарету. В этот-то момент он понял, что знает про пробежавшего мимо мужчину всё. Его зовут

Николай

Николай Бессонов покидал город лишь единожды, когда его призвали в армию. Зато метко – служил три года на Тихоокеанском флоте. Ходил в дальние походы, повидал заграничку с корабля в бинокль, в связи с чем считал, что страсть к путешествиям утолил на всю жизнь.

Затем Коля здесь же в городе поступил в институт, окончив который устроился в строительный НИИ. Тут же познакомился с будущей женой, бывшей до тридцати лет черно-волосой кареглазой красавицей, а после этого срока и рождения с интервалом в два года мальчика и девочки, ворчливой толстушкой.

Ворчала жена на всё: на низкую зарплату – Николай не рвался за большим; на дачный полуразвалившийся сарай – участок достался бесплатно, по профсоюзной линии; на старую мебель, подаренную на свадьбу ещё родителями супруги; на цены в магазине; на купленную курицу; на погоду; на здоровье... И даже то, что квартира у них была по тем временам ого-го – трёшка, по случаю обменяли родительские квадратные метры – тоже не радовала.

Николай всё это сносил стоически, изредка взрываясь, как грязевой вулкан, но навоняв и раскидав грязь, быстро затихал. Когда Николаю исполнилось 43, сын женился и уехал на Крайний Север, строить свою жизнь. Через два года в мо-

лодожёны записалась и дочь. Вместе с мужем-врачом она отправилась в соседнюю область. И если у сына всё складывалось хорошо – квартира, машина, две дочки, должность, заработок, то дочь вернулась через пять лет с сынишкой на руках и обосновалась вместе с родителями. Таким образом на Николая ворчали уже двое – жена и дочь.

В тот день Николай сбежал из своего исследовательского института пораньше – всё равно никто не хватится – и перебежав через мост планировал забежать в рюмочную, шлёпнуть граммов 150 беленькой, не более, и отправиться домой, поваляться спокойно на диване, пока жена с дочкой на работе, а внук в садике. Но спрыгнувший с балкона мужик не только себя погубил, но и подмял под свою тушу все планы Николая.

Поняв, что произошло, Коля, борясь с отдышкой, бросился к рюмочной, возле которой был телефон-автомат. С этого момента время стало вязким и потянулось медленно. Вначале дежурная скорой долго расспрашивала Николая про пострадавшего, затем дежурный милиции учинил нудные телефонные расспросы. А уж когда приехала и милиция и скорая помощь, стало ясно, что Николай – единственный свидетель. Вопящая тётка с кефиром исчезла, парень стоявший на мосту, тоже пропал. Вот и отдувался Николай за всех – показания, протоколы, опросы... Оказалось, что самоубийца человек был непростой, поэтому начальства налетело, что воробьёв на дармовые семечки.

Николая отпустили только к девяти вечера. Уставший и злой он вполз в свою квартиру. С порога стало ясно, что супруга зачислила его во враги народа, дочь с ней солидарна, ну а внук, к счастью, слишком мелок, чтобы разделять зоны ответственности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.